

Михаил БАРУ

ВЕКСЕЛЬ СПИРИДОНА КОЗЛОВА

**Елатьма**

Писатель Михаил Кольцов в тридцать шестом году писал: «За трое суток из Москвы можно доехать до Мадрида, в Сухум, в Новосибирск, в Константинополь. И трое суток надо, чтобы добраться в город Елатьму своей же Московской области. Она запряталась, сия Елатьма, в лесной глуши, на Оке, летом утопает в садах, а весной и осенью утопает в грязи». Теперь от Москвы до Елатьмы часов шесть на автомобиле по хорошим и не очень хорошим дорогам. Писатель Кольцов написал про Елатьму... Впрочем, начинать рассказ о Елатьме надо не с тридцать шестого года и даже не с ее основания в четырнадцатом веке, а с юрского периода. Именно тогда в этих местах плескалось теплое море, а по его дну ползали аммониты. Были они небольшими – всего дюжина сантиметров в диаметре, но отличались от других аммонитов юрского периода тем, что у них была более пологая пупковая стенка, более короткие и более косые первичные ребра. И это не все. Сам пупок у них был более широким. Обычный человек, найдя такой аммонит, и внимания не обратит на его пупок, а тем более на то, что пупковая стенка у него более пологая, а вот геолог С.Н. Никитин, изучая юрские обнажения в районе Елатьмы сто сорок лет назад, обратил и назвал представителей этого вида аммонитов *Cadoceras elatmae* или аммонит Елатомский. Так что впервые Елатьма появляется не просто в истории, а в истории юрского периода.

Потом в истории Елатьмы был перерыв на сто шестьдесят шесть с половиной миллионов лет, потом пришел ледник, потом ушел, потом вымерли мамонты, потом выросли леса, потом они стали дремучими, потом туда пришли племена, у которых не было никакого названия, а были каменные топоры, скребки и рубила. Занимались они охотой, собирательством и убеганием от волков<sup>1</sup> и медведей, когда случалось им украсть дикий мед из под носа у косолапых. Вслед за этими племенами пришли другие, а потом третьи, а четвертыми или сорок четвертыми племенами были мещера и мордва. Поначалу мещера и мордва и не думали строить себе никаких городов со стенами и рвами. Им хватало землянок, огороженных плетеным тыном или, в крайнем случае, деревянным частоколом, и сторожевых собак. Лишь с появлением в этих краях славян, которые начали теснить совершенно не воинственные племена мещеры и мордвы, последние стали строить укрепленные городки. Одним из таких городков-крепостей стала Елатьма, стоявшая на высоком берегу Оки. Со стороны суши крепость окружал трехсотметровый вал и ров, заполненный водой, через который были перекинуты подъемные мосты. Оба конца рва запирались шлюзами. Внушительное было сооружение по тем временам. Остатки этого рва сохранились в центре Елатьмы до сих пор и представляют собой небольшой пруд, изрядно заросший осокой. Штурмом или осадой славяне крепость взять не смогли. Да и не брали. В период между концом шестидесятых и началом семидесятых годов четырнадцатого века Дмитрий Донской просто купил Елатьму, которая тогда называлась Мордовским городком, вместе с Городцом Мещерским, переименованным позже в Касимов, у мещерского князя Александра Уковича. Сохранилось договорная грамота между Москвой и рязанским князем Олегом Ивановичем, датированная 1381 годом, в которой сказано, что Мещера, купленная Великим князем Дмитрием Донским у Мещерского князя Александра Уковича, остаётся за Москвой. После покупки Мордовский городок поменял свое название и стал называться Елатьмой.

Прежде чем двигаться дальше, надо рассказать почему, собственно, Елатьма называется Елатьмой. Понятное дело, что у нее, как и у всякого русского города с многовековой историей, имеется полный сундук версий, гипотез и легенд о происхождении собственного имени. Самая первая и самая красивая легенда говорит о том, что жила на этом месте в незапамятные времена мещерская княгиня, которую звали Елатома. Вот и назвали город ее честь. Кстати говоря, и Елатьма раньше называлась Елатом, а не Елатома. Бог знает почему. Вторая легенда утверждает, что на месте Елатьмы в незапамятные времена, еще до княгини Елатомы, стоял дремучий еловый лес – иными словами, росла здесь елей тьма или Елатьма. По третьей легенде, которую можно классифицировать как вариант второй, тьма была не елей, а под ними. По четвертой... лучше мы пропустим четвертую, которая уж и вовсе ни в какие ворота крепости Елатьма не лезет, а сразу перейдем к восьмой или даже к девятой, по которой Елатьма в переводе с угро-финского... просто земля, место удобное для жилья. Про десятую, по которой и вовсе Елатьму построили не мещера с мордвой, а татары, и в переводе с татарского «елатом» означает место, откуда идет сигнал об опасности, мы и вовсе не скажем ни слова.

Так или иначе, Елатьма как появилась в конце четырнадцатого века – так с тех пор уже не исчезала. Ее детство... Впрочем, это была уже юность и даже молодость, поскольку детство и юность Елатьмы прошли, скорее всего, еще до 1381 года. В том году крепость, можно сказать, получила паспорт, и начались у нее обычные будни московского форпоста на юго-восточных рубежах Московского княжества. Обычные будни включали тогда, в конце четырнадцатого, а также весь пятнадцатый и шестнадцатый века регулярные набеги казанских татар, ногайцев и крымских татар. Вернее, эти были первыми в списке нападающих. Время от времени этих нападающих самих брали в плен. В 1539 году в Елатьму приехал из Москвы дьяк Разрядного приказа и обменял группу пленных ногайцев на князя Семена Бельского. Через одиннадцать лет елатомский воевода князь Константин Курлятев вместе с рязанскими воеводами разбил набравших ногайских мурз и гнал их более ста верст до самого Шацка. Еще через год «князь Константин Иванович Курлятев да Семен Шереметев да Степан Сидоров также во многих местех нагай побили». Еще через год Елатьма приняла самое активное участие в Казанском походе. Войска Ивана Грозного останавливались по пути в Казань в Елатьме, в которую подходили подкрепления и подвозили продовольствие и боеприпасы. Мало того, в передовой полк вошли елатомские ратники под командой князя Курлятева. За участие в Казанском походе царь разрешил елатомцам вместо имеющейся у них деревянной церкви Рождества Богородицы построить каменную. Для ее звонницы он подарил колокол с надписью «Дар царя Ивана Васильевича». Вряд ли надпись была именно такой, но... так написано во всех книжках и статьях про Елатьму, так рассказывали мне в местном краеведческом музее. Еще рассказывали, что в колоколе было большое содержание серебра и потому звенел он не только на всю Елатьму, но и на окрестные поля и луга. Проверить ничего уже нельзя, поскольку колокол этот до нас не дошел буквально несколько шагов – в тридцать пятом году прошлого века его отправили на переплавку. Народному хозяйству колокол прибавил полтора десятка тракторных шестеренок или даже целый коленчатый вал. В звоннице церкви, кроме колокола, были старинные гиревые часы. В чугунных гирях серебра... не было, и часы звенели только на всю Елатьму – на окрестности их уже не хватало. Часы тоже разобрали. Тоже, наверное, понаделали из них полезных запчастей для сеялок и веялок. В пятьдесят восьмом разобрали и саму звонницу на запчасти к домам, а в самой церкви разместили пищекомбинат, выпускавший варенье, сироп для газированной воды, грушевую газированную воду, лимонад и овощные консервы. Сотрудница музея, которая в детстве с мамой бывала неоднократно на этом комбинате, рассказывала мне, что газировка с двойным грушевым сиропом, которым ее тогда угощали... Moët & Chandon просто ни в какое сравнение не идет. Даже полусладкое. Количество пузырьков в елатомской

газированной воде было огромным. По своей щипательной способности в детском и даже взрослом носу они не уступали французским шампанским и даже их превосходили. Не говоря о московских. В девяностых годах пищекомбинат умер и теперь в здании церкви хозяйственный магазин – стиральные порошки, прищепки, средства от тараканов и эмалированные ведра. Перед грозой бывает что-то загудит басом в подсобке или на заднем дворе, а что – непонятно. Проходит быстро, но у продавщицы от этого гула тревога по всему телу, и в груди все как захватит... и долго не отпускает. Или в полночь как начнет бить...

Впрочем, мы несколько отвлеклись от истории Елатьмы. Вернемся в ее шестнадцатый век. При Федоре Иоанновиче наместниками в Елатьме были Иван Петрович Протасов, о котором неизвестно почти ничего, и Евстафий Михайлович Пушкин, о котором известно, что он через три года после того, как был назначен наместником в Елатьму, вел многолетние переговоры со Швецией и добился от нее уступки Карелии, потом подписал со шведами договор, потом присутствовал в Золотой палате во время приема царем посла германского императора, потом подписал соборное постановление об избрании на царство Бориса Годунова, потом был сослан этим же Годуновым в Тобольск, в опалу, вторым воеводой, и там умер. В промежутках между всеми этими делами Евстафий Михайлович еще успел стать предком Александра Сергеевича.

В середине семнадцатого века елатомским воеводой становится Григорий Гаврилович Пушкин<sup>2</sup> – искусный дипломат, принимавший неоднократное участие в переговорах с Польшей и Швецией. Был он первым боярином и оружейником в роду Пушкиных, а вот предком нашего всего не был, поскольку умер бездетным.

В 1637 году елатомский воевода князь Шаховской отправился в Польшу во главе посольства. Обычное посольство, которому нужно было обсуждать умаление в письмах государева титула, межевые дела и пленных, но... взять из рук посла верительную грамоту захотел не король, не канцлер, а вовсе подканцлер, что было таким умалением титула русского государя, которое Шаховской позволить себе не мог. Князь просто не отдал ее подканцлеру и настоял, чтобы сам король взял ее и снял с нее печати. Шаховской потом вернулся в Елатьму по месту работы. Бывало, как выпьет – так соберет писарей, подьячих, приставов, рассыльщиков и давай им рассказывать о том, как он поставил на место подканцлера. Ну, натурально начинает с подканцлера, а заканчивает польским королем. Выходило, что он им на двоих на семь ног наступил. Или даже на восемь.

Как раз в то самое время, когда опальный Евстафий Михайлович Пушкин умирал в Тобольске, в Елатьму пришла Смута. Из песни слов не выкинешь, а потому надо сразу честно сказать, что елатомцы<sup>3</sup> поддержали польского королевича Владислава. Потом-то, конечно, они покаялись и били челом Василию Шуйскому, но пока была Смута, успели еще и принять самое активное участие в крестьянском восстании Ивана Болотникова. Досталось и помещичьим владениям и монастырским – крестьяне вырывали из земли межевые столбы, распахивали межи и выжигали межевые грани на деревьях. Неподалеку от Елатьмы крестьяне захватили Андреянову пустынь и сожгли все царские грамоты, закреплявшие за пустынью права на землю. Хотели идти на Муром... Ну, а потом, когда крестьян поймали, то уже досталось им...

Только кончилась Смута и на престол сел Михаил Романов, как случилась новая напасть – Елатьму захотел себе в удел последний касимовский царь Арслан Алеевич и стал просить об этом царя. И выпросил бы, кабы елатомцы не написали челобитную отцу Михаила – патриарху Филарету, в которой писали, что «они из покон веков ни за кем не были». Тут кстати подоспели и сообщения касимовских воевод о том, что Арслан Алеевич препятствовал распространению православия, «бусурманил» новокрещеных татар и даже русских. Не вышло ничего у касимовского царька. Государь пожаловал его «одним елатомским кабаком», а про Елатьму было писано, что «посацкие люди ему не даны и не дадут». Арслан Алеевич и от кабака не отказался.

При Петре Великом Елатьма хотя и утратила военное значение, зато приобрела промышленное – в ней возникло и развилось парусное, канатное и стеклянное производства. Местные жители вовсю сеяли коноплю, из которой делали пеньку. В самой Елатьме работала канатная фабрика купца Гусева и полотняная купца Коржевина. Вся их продукция уходила в Петербург и Москву. Когда при Екатерине Второй утверждали гербы уездных городов, то серебряный парус с золотыми канатами на голубом фоне и стал гербом Елатьмы. Кроме производства парусов, канатов и стекла, елатомские купцы торговали солью и хлебом. Елатомская мука была белее других и отличалась высоким качеством. Вообще, что касается экономического развития, Елатьма в первой половине восемнадцатого века опережала соседний Касимов и даже выглядела лучше, чем он. Голландец Корнелис де Брюйн, проплывавший в начале восемнадцатого века мимо Елатьмы по Оке, писал: «Город этот стоит на вершине горы и значительно продвигается внутрь страны... Он довольно обширен, с восемью церквами, и несколько каменных домов его расположено вдоль левого берега реки. Он окружен многими деревнями, а частью лесом, и представляет с обеих своих сторон довольно красивый вид».

В начале восемнадцатого века Елатьму приписали к Казанской губернии, потом отписали от Казанской и приписали к Шацкой провинции Азовской губернии, потом Азовскую губернию вместе с Елатьмой преобразовали в Воронежскую. В 1722 году ее оттуда выписали и приписали к Касимову, чтобы уж вместе с ним передать Рязанской губернии. Как раз в этом году через Елатьму проезжал Петр Алексеевич, отправлявшийся в Персидский поход. В городе он остановился всего на одни сутки. За это время царь успел принять нескольких челобитчиков, и среди них крестьянина Антона Иванова из близлежащего седа Богданова. Иванов жаловался на притеснения со стороны старосты Родиона Никитина, собиравшего лишние подати и «чинившего всякие обиды». Петру разбирать дело было недосуг, но он приказал Шацкому воеводе «разыскать накрепко» приведенные в челобитной факты, найти ответчиков, и «кто из них в том являлся виноваты, тем учинить жестокое наказание, чего они по указу будут достойны, и кто из них будет более виноват, того пошли в каторжную работу в Петербург вечно». Никитину и его сообщникам повезло – не торопись царь в Персидский поход, они могли бы и до каторжных работ в Петербурге живыми не доехать.

Восемнадцатый век не был спокойным в тех местах. Разбойников с большой дороги было едва ли не больше, чем проезжающих по дорогам Тамбовского наместничества, к которому тогда была приписана Елатьма. Речных разбойников, грабивших суда, проплывавшие по Оке, было ничуть не меньше. Всего за десять лет до Пугачевщины бургомистр Елатомского магистрата купец Коржевин доносил в Шацкую провинциальную канцелярию, что шайки разбойников бродят вокруг Елатьмы, нападают на суда, идущие по Оке, и уже не один раз ограбили его стеклянную фабрику. В июне 1760 года разбойники так распоясались, что пригрозили не только сжечь фабрику Коржевина, но и саму Елатьму, а бургомистра лишить жизни. Елатомцам пришлось усилить караулы и вызвать на подмогу сыскные команды из Тамбова, Рязани и Воронежа.

Когда в округе появились первые пугачевские отряды, у крестьян уже был испечен для их встречи хлеб-соль. Под колокольный звон встречали их в каждой деревне. Под колокольный звон уносили ноги дворяне из сел, окружающих Елатьму, и из самого города. Программа восстания у местных инсургентов не отличалась новизной – сначала, как по расписанию, грабеж и поджог злосчастной стеклянной фабрики купца Коржевина, потом нападение на проходящие по Оке суда, потом грабеж всех, кто попадет под руку, и поджог помещичьих усадеб. Надо сказать, что отличить отряды Пугачева от обычных бандитов было практически невозможно. Они еще долго бродили в окрестностях Елатьмы и Касимова уже после того, как восстание Пугачева было подавлено. Жители Елатьмы в деле защиты от разбойников на власти надеялись, но и сами не плошали. К примеру, у купца второй гильдии Семизорова, владельца серно-купоросного и лакокрасочного заводов, в доме хранилось три ружья, два пистолета и один мушкетон. Кстати, потомки

Семизорова и теперь проживают в Елатье. Правда, ни серно-купоросным, ни лакокрасочным заводами они уже не владеют.

В конце восемнадцатого века в Елатье проживало около двух тысяч душ мужского пола – большей частью мещане, меньшей – купцы, мастеровые, чиновники и совсем немного дворян. Тут вместо скучной статистики лучше бы рассказать читателю о каком-нибудь интересном событии, произошедшем в Елатье – об открытии картинной галереи, или о проезде через город Екатерины Алексеевны с семьей наследника престола, или о выловленной в Оке огромных размеров севрюге, или о постройке образцового инвалидного дома, или о закладке сорокапушечного океанского фрегата «Гордость Елатьмы» из твердых пород дерева, но... не расскажу. Не проезжали, не строили и не закладывали. Могу только рассказать об открытии в 1787 году уездного училища. Боюсь, что и его не открыли бы, если бы не настойчивость тогдашнего Тамбовского наместника Гавриила Романовича Державина, большого любителя просвещения. Да, вот еще. В доме у купца Семизорова было семь писанных маслом портретов, одна картина, два каменных и пять деревянных портретов с позолотой. Небось, купил их оптом по случаю на какой-нибудь ярмарке выходного дня в Касимове или в Муроме. Не картинная галерея, конечно, но частное собрание. Быть может, первое в Елатье. Деньги у местного купечества водились. Картинных галерей они, конечно, не строили, а вот церквей в маленькой Елатье к тому времени было больше десятка. К концу девятнадцатого века в Елатье было уже четырнадцать церквей, синагога и две мечети. Изю всех этих культовых сооружений до нас дошла в более или менее сохранившемся виде кладбищенская Всехсвятская церковь, построенная в ознаменование победы над французами и еще две – Троицкая и Вознесенская<sup>4</sup>. До Елатьмы, конечно, враг не дошел и никакие полки в ней, как во время похода на Казань, не формировались, но был военный госпиталь, работавший с сентября двенадцатого года по август четырнадцатого. По приказу Кутузова в Касимове, Елатье и окрестных деревнях разместили главный военный госпиталь русских войск, рассчитанный на двадцать тысяч человек. По воде Москвы-реки и по Оке везти раненых в тыл было куда как удобнее, чем по дорогам, которые в этих местах... да и в тех тоже.

На кладбище Елатьмы похоронены солдаты, умершие от ран, полученных при Бородино. Елатомцы на свои деньги поставили им памятник в виде часовни. Стояла часовня в центре города, рядом с городским Спасо-Преображенским собором. Ее вместе с собором и снесли при большевиках.

Как раз перед войной с французами главная торговая площадь Елатьмы украсилась торговыми рядами, построенными по проекту Висконти и Русско. Правда, только подписанному ими. Составлял-то этот проект некто Григорьев. Здание торговых рядов и сейчас стоит на том же месте. Правда, вид у него... Зато имеет официальный статус памятника архитектуры Рязанской области. Единственное в Елатье. Выставили его областные власти на торги, но что-то никто покупать его не торопится.

С 1828 года в городе начала проводится ежегодная Предтеченская ярмарка, на которую собирались продавцы и покупатели не только из Тамбовской, но и из соседних губерний<sup>5</sup>. Оборот ярмарки... Честно говоря, цифры этого оборота вряд ли могут произвести впечатление на читателя, который не то что не родился в Елатье, не только в ней никогда не бывал, но даже и не найдет ее на карте, если его вызовут к доске в каком-нибудь страшном сне про давно оконченную среднюю школу. Оставим эти цифры статистикам, а также полезные, но невыносимо скучные сведения о том, что к середине девятнадцатого века в городе открылась аптека и почта, не нашлось средств на то, чтобы поставить керосиновые фонари и замостить булыжником хотя бы площадь перед торговыми рядами, о том, что к концу века открылись публичная библиотека, телеграфная контора, книжный магазин и мужская гимназия, образовался театральный кружок, ставивший драматические спектакли по пьесам Островского и Сухово-Кобылина, о том, что местная интеллигенция образовала бесплатную народную читальню... Куда

интереснее рассказать о замечательных чудаках и оригиналах, проживавших в Елатье в первой половине девятнадцатого века.

В самом деле, как не назвать чудаком и оригиналом чиновника Потаповича, описанного историком и краеведом Иваном Ивановичем Дубасовым в очерках по истории Тамбовского края. У Потаповича была странная фантазия не брать взяток и не красть из казны. Ну, не хочешь брать – не бери, но делай это молча. Не укоряй товарищей по службе, не говори им о том, что они поступают неблагородно. Потапович не умел молчать и договорился до того, что товарищи по службе, считая подобные разговоры очевидным признаком психического нездоровья, добились его медицинского освидетельствования в губернском правлении. И очень опечалились, когда врачи объявили, что Потапович совершенно здоров. Он был здоров и тогда, когда написал в Шацкий уездный суд письмо, в котором просил... изыскать средства, чтобы сделать людей добросовестными, а на вопрос членов Тамбовского губернского правления о том, где он желает служить, отвечал: «В таком месте, где более благородства, ибо служа в статской службе, я сам себе делал вопрос, какая польза от этой службы, и не мог решить этого. Впрочем, я готов служить, но только с благородными людьми, которые имеют такие же правила, как и я». Как тут, спрашивается, не ~~оэвереть~~ опечалиться сослуживцам...

Еще один чудак, помещик Алексей Алексеевич Ушаков, жил не в Елатье, а в Елатомском уезде, в селе Изтлееве, где владел шестью сотнями душ крепостных. Ну, владел бы как все – порол бы за выдуманные провинности, заставлял бы гнуть спину на барщине, брюхатил бы дворовых девок – никто бы о нем и не вспомнил, но Ушаков... освободил всех своих крестьян с землей еще при Александре Первом. Освободил потому, что хотел оградить своих крестьян от жестокостей трех его сыновей – отставных военных. Сначала-то он их увещевал по-отечески, просил не пороть крестьян, не заставлять их всю неделю гнуть спину на барщине, а потом... устал от увещеваний, освободил крестьян и отправил письмо министру внутренних дел графу Кочубею объяснительное письмо, в котором писал: «Учиня крестьян моих свободными, утверждаю все мои земли с угодьями в вечное их владение». Это не конец истории. Каждому сыну этот король Лир Елатомского уезда вручил по несколько тысяч рублей и предложил поступить в статскую службу. Еще и заявил: «Пусть узнают они, что такое долг, тогда ко всем людям они лучше относиться будут». Что ответили сыновья Ушакову и ограничились ли они словами... Иван Иванович Дубасов не записал.

Наверное, можно было бы и ограничиться описанием этих двух елатомских чудаков, но из песни слов не выкинешь – были в уезде и совершенно другие помещики. К примеру, помещик Кашкаров – изверг и садист, буквально каждый день поровший крестьян. За малейшие провинности давали по четыреста ударов кнутом. Одного крестьянина пороли шестнадцать раз за время Великого поста, каждый раз давая по сто ударов. Тех, кто умирал во время наказания, без малейшей огласки закапывали на кладбище. Следствие, до которого все же дошло дело, установило, что в имениях Кашкарова не было ни одного небитого и невысеченного крестьянина. Врач из Елатьмы, освидетельствовавший кашкаровских крестьян, осмотрел около трех десятков человек и на каждом обнаружил глубокие рубцы. Неудивительно, что крестьяне от такого барина даже в солдаты шли с охотой. Женщинам было куда хуже. Молодых женщин Кашкаров заставлял грудью кормить щенков, бил их и поджигал им волосы. Изверг всю пользовался правом первой ночи, и в его деревнях почти не было ни одной молодой женщины и даже девочки, которую он не изнасиловал бы. Надо сказать, что жена Кашкарова была ему верной помощницей и сама приводила к нему девочек. Впрочем, и крестьян она секла нещадно. Собственноручно секла и розгами и кнутом. Слухи об издевательствах этого помещика над крестьянами дошли до властей, и в имение к нему нагрянуло следствие. Кашкарова заперли в собственном кабинете и держали под караулом. Старик понял, что дело пахнет уголовным судом, и стал предлагать взятки следователям – губернскому чиновнику Сумарокову и жандармскому офицеру Телегину.

Взятки были большие – Кашкаров был человеком очень богатым. Те отказались. Тогда Кашкаров стал писать жалобы на следствие губернатору и шефу жандармов. Прислано было новое следствие, которое... к прежним пунктам обвинительного заключения присоединило еще одно. Оказалось, что Кашкаров еще и судил своих крестьян за уголовные преступления, как какой-нибудь средневековый барон или граф. Тогда Кашкаров обратился с письмом в дворянское депутатское собрание, в котором писал: «Настоящие обвинения против меня представляют случай небывалый, ибо беспорочный дворянин, доживший почти до 60 лет, обвиняется в нарушении будто бы права, предоставленного ему верховною властью. Не страдает ли от этого незапятнанная честь моя? И где же у следователей моих страх Божий?» Удивительно не то, что Кашкаров обратился с таким письмом к собранию. Удивительно то, что большая часть дворян Елатомского уезда встала на его защиту. Более того, предводитель уездного дворянства написал губернатору о том, что весь уезд «встревожен по случаю бедствий господина Кашкарова и между крестьянами стали ходить слухи о вольности...». Уездные полицейские чины, у которых не было сил отказаться от кашкаровских денег, всюю препятствовали следствию. Ободренный бездействием властей Кашкаров стал писать тамбовскому губернатору, обвиняя своих крестьян во лжи и развращенности. Он писал о том, что без его власти в его имениях начались беспорядки, земля не вспахана, оброки не собраны, нарушены государственные основы и народное спокойствие, дворовые люди предаются буйству, а женский пол – распутству. Видимо, боязнь того, что женское распутство, в отсутствии надлежащего контроля со стороны Кашкарова, может распространиться за пределы Елатомского уезда, и привела к тому, что губернские власти вызвали подсудимого в Тамбов, где он пожил некоторое время под надзором полиции, имение его недолго побывало в опеке и... все. Тем дело и кончилось.

Надо сказать, что жил в середине девятнадцатого века и еще один помещик в елатомском уезде, список преступлений которого мало чем отличался от кашкаровского. Пожалуй, даже и превосходил. У этого было заведено, что каждый день к нему приводили несколько крестьянок, которых он насиловал. Зимой приводили меньшее количество, а летом большее. Крестьяне на него жаловались уездным властям. Уездные власти жалобщиков выслушали, велели их высечь и посадить в елатомский острог. Тогда трое отчаявшихся крестьян убили и оскостили барина. Слезных писем губернатору они не писали, дворянское депутатское собрание за них вступаться не стало, а потому их судили, дали каждому по сто ударов плетью и сослали на бессрочную каторгу, в Сибирь<sup>6</sup>.

Было бы, однако, нехорошо заканчивать описание елатомских типов первой половины девятнадцатого века на такой мрачной ноте. Расскажем еще об одном помещике, отставном губернском секретаре Василии Семеновиче Горбатове, проживавшем в деревне Малые Клинцы, в собственном имении своей супруги. Человек он был тихий, незлобивый, в ведение хозяйства не вмешивался, во всем слушался жены и был, что называется, подкаблучник. Целыми днями сидел он за книгами и делал из них разные выписки. Василий Семенович не был ученым и настоящего образования, при котором дают диплом и значок об окончании университета, у него не было. Он был по профессии читатель и читал все, что попадет под руку – от агрономического календаря до сонника жены. Однажды попался ему на глаза роман французского писателя Жюль Верна под названием «С Земли на Луну», и спокойная жизнь в Малых Клинцах кончилась. ~~Вымелив~~ Вытребовав у жены денег на постройку пушки и снаряда, Горбатов принялся за строительство. С самого утра Василий Семенович уходил на дальний выгон, где под его руководством крестьяне рыли фундамент под огромный пушечный лафет, который планировалось построить из кирпичей. Одновременно с лафетом по рисунку барина кузнец Никифор с мальчишкой-подручным изготавливал внушительных размеров снаряд, в котором оборудовали небольшую кабинку для путешественника в пространстве. Под ней устроили кладовку, в которую Горбатов, точно белка, приносил тайком от жены то свиной окорок, то связку сушеных грибов, то сдобных сухарей, а то и бутылку ямайского рому, в

который его строгая супруга перед сном любила накапать чаю. С тех пор как Никифор устроил в снаряде крошечную печку, Василий Семенович даже оставался в нем ночевать. Надо сказать, что его жену это нимало не беспокоило. Лишь бы муж был занят чтением сделанных собственноручно выписок из книг и не отвлекал ее от мыслей о покосе или о заготовках на зиму. У нее даже щека начинала дергаться, когда Горбатов вдруг возникал откуда-то из-за спины и начинал своим тихим, доводящим ее до бешенства голосом: «Послушай, душа моя, что пишет Сенека в своем письме...». Короче говоря, хватилась она Горбатова только тогда, когда прибежал к ней Никифор с криком «Барин улетели на Луну...». Правду говоря, он не прибежал, а его, подлеца, пьяного и еле ворочающего языком, приволок староста. Осмотрели лафет и пушку, из которой можно было улететь куда угодно, но только не на Луну, и в казенной части орудия обнаружили густую черную копоть, несколько вывороченных кирпичей и обгорелую спичку. Этой спичкой, очевидно, поджигали пороховой заряд, забитый в пушку. Пропал и снаряд. Еще раз, допрошенный с пристрастием, почти протрезвевший кузнец плакал, крестился и заскоружлым своим пальцем показывал в небо. Из Елатьмы вызвали следователя. Тот приехал, да не один, а с помощником... Впрочем, мы увлеклись рассказом о Горбатове. Вернемся в Елатьму... Нет, все же скажем, что через две недели упорных розысков снаряд вместе с Горбатовым был найден за полторы сотни верст от пушки, в городе Шацке. Оба они – и снаряд и отставной губернский секретарь – были спрятаны в бане собственного дома мещанки Трегубовой, красивой женщины, за одно прикосновение к плечам которой, по словам помощника следователя, можно было отдать десять лет жизни. Что же касается кузнеца Никифора, то он, давно знавший о планах... Ну, теперь уж точно хватит. Вернемся в Елатьму.

За время нашего отсутствия через нее не проехал не только ни один российский император, но и вообще никто из семьи Романовых. Не прибавилось в городе картинных галерей, фрегат «Гордость Елатьмы» так и не был построен. Уже готов был чертеж и уже строительные подрядчики успели украсть часть средств, отпущенных на строительство... и тут какой-то умник из кораблестроителей посмотрел карту и выяснил, что из Елатьмы хоть три года плыви – ни до какого океана не доплывешь. И все же колесный пароход «Елатьма» к концу девятнадцатого века по Оке уже плавал. И не он один – в городе уже были купцы, владевшие пароходами. У пароходчика Самгина<sup>7</sup> было два судна – пассажирский теплоход «Дмитрий Донской», ходивший по Оке от Рязани до Нижнего, и буксир «Владимир Храбрый». У купчихи Марии Андреевны Поповой, урожденной княгини Кильдишевой, поначалу не было ни одного парохода. Она была просто женой купца Попова, торговавшего бакалеей. После смерти мужа Мария Андреевна взяла дела в свои слабые женские руки. Этими слабыми женскими руками она давала ссуды окским и даже волжским пароходчикам, а в заклад брала их суда. Не раз и не два бывало так, что ей доставались закладные пароходы. Видимо, Попова была примерной вдовой и заботливой матерью – пароход «Братья Ляховы», доставшийся ей по невыплаченной в срок закладной, она переименовала в «Дети Попова». Мария Андреевна была одной из самых богатых женщин Елатьмы. По делам она ездила на первом и единственном в городе автомобиле. Она же завела в Елатьме первую электростанцию. Ее двухэтажный, богато украшенный резьбой дом, похожий на пароход, был построен по проекту голландского архитектора. Он и до сих пор стоит на одной из улиц города<sup>8</sup>. Надо сказать, что Попова была и самой щедрой из елатомских предпринимателей – она платила за обучение бедных гимназистов, содержала детский приют, а по выходным и по церковным праздникам на улице возле ее дома всегда стояли столы с бесплатной едой для всех, кто в ней нуждался. Сначала некоторые елатомцы просто упоминали, что миллионерша Попова могла бы быть прототипом горьковской Вассы Железновой. Со временем это предположение обросло подробностями, и теперь уже рассказывают с чувством, толком и расстановкой, что Горький, путешествуя по Оке как раз в те поры, когда Мария Андреевна... И правильно делают, что рассказывают. На их месте я бы тоже рассказывал<sup>9</sup>. В восемнадцатом году

Мария Андреевна финансировала мятеж эсеров в Елатье, а после его подавления по подземному ходу... но не будем забегать вперед.

Вообще говоря, Елатья на рубеже веков если и не процветала, то просто цвела. В 1897 году в ней проживало около восьми тысяч жителей, а через тринадцать лет уже девять тысяч, и в их числе сто купцов. В городе было сорок улиц, три площади, земская больница, приходское и уездное училища, мужская и женская гимназии, банк, аптека, в которой можно было купить сельтерской воды, десять кирпичных заводов, почти два десятка толстых усатых городских с начищенными до блеска бляхами, одиннадцать постоянных дворов, семь кабаков, полностью укомплектованных пьяницами, тридцать три кузницы, четыре канатных фабрики, канатами которых можно было опутать не только Тамбовскую, но и прилегающие к ней губернии, две библиотеки, шесть общественных бань и скотобойня. Елатомские купцы торговали хлебом, поступавшим к ним из Моршанска. В год через пристань на Оке проходило до семисот тысяч пудов хлеба. Из них полмиллиона пудов отправлялось вверх по Оке. Большая часть из этих полумиллиона пудов шла в Петербург. Кстати говоря, в прямом смысле Елатья тоже цвела – в ней и вокруг нее насчитывалось почти девять сотен плодовых садов. О красоте Елатьмы и ее фруктовых садов имеется письменное свидетельство. «Местность очень красивая, и очень тихо тут. Шума никакого. Все фруктовые сады», – сообщает в письме брату Василий Суриков, приехавший в девятьсот третьем году в эти места писать этюды к картине «Степан Разин». Наверное, те две недели, что Суриков жил в Елатье, и были расцветом культурной жизни в этих местах. Если, конечно, не считать заблудившегося в сосновом лесу около Елатьмы Горького, когда он шел пешком в Муром.

Девятьсот пятый год Елатья и уезд встретили беспорядками. В городе прошла демонстрация, которую не удалось разогнать даже конной полицией. В уезде крестьяне увозили из поместий и экономий урожай, уводили скот и уносили все, что могли унести. В селе Ардабьево они с таким энтузиазмом рубили общинный лес, незадолго до этого отнятый у них промышленником и помещиком Девышевым<sup>10</sup>, что едва не зарубили исправника, прибывшего из Елатьмы для того, чтобы призвать решительно настроенных лесорубов к порядку. Спустя сорок лет самодеятельный елатомский поэт Волков в своей революционной поэме «Набат», посвященной этим событиям, писал: «Жуткие слухи в усадьбы дворян заползали. Ближе и ближе несущий им гибель момент». В тот раз «несущий им гибель момент» власти сумели остановить. Вместо чудом спасшегося исправника прислали казаков. Сто с лишним человек арестовали, судили и отправили в арестантские роты и тюрьмы. Командовал казаками мастер своего дела, штаб-ротмистр Гортынский, который так усердствовал в наведении порядка, что его пришлось отозвать. Через год, в память о событиях девятого января, снова была устроена многолюдная демонстрация в Елатье. На этот раз для того, чтобы успокоить елатомцев, в город приехал тамбовский вице-губернатор, выступивший в городской управе с речью, толку от которой... Тогда приступили к обыскам, которые позволили напасть на след елатомской ячейки РСДРП и арестовать ее активных участников. В конечном итоге всех большевиков выслали за пределы Тамбовской губернии.

После высылки большевиков в городе и уезде наступило затишье. Капитализм, точно чувствуя, что жить ему в России осталось не больше десятка лет, стал развиваться с удвоенной силой. Жизнь в Елатье кипела – купцы торговали хлебом, мясом, пенькой, полотном и медом, во время проведения ярмарок на центральной площади города устанавливали до пятидесяти балаганов; миллионерша Попова раскатывала по улицам на своем красном кабриолете, и за ней бежали мальчишки, собаки и гуси, за которыми бежали толстые усатые городские и оглушительно свистели в свои свистки; лесопилка купца Попова изо всех сил своих трех паровых двигателей пилила лес; серно-купоросный и красочный завод купцов Семизоровых сернокупоросил и красил по двенадцать часов в сутки с часовым перерывом на обед; в шести городских банях народ парился до такого состояния, что холодная вода, в которую ныряли после парилки, вскипала; в городском

саду, на летней эстраде члены театрального кружка ставили «Живой труп» и «Дядю Ваню», а за эстрадой, в зарослях бузины, всюду курили и кашляли гимназисты, стараясь побыстрее повзрослеть; в читальных залах двух городских библиотек с утра и до вечера читали дамские журналы с выкройками, детективы и биржевые ведомости, в чайной Елатомского общества трезвости люди с постными лицами пили чай вприкуску с брошюрами о вреде алкоголя, в городской аптеке нарасхват шли шпанские мухи, порошки от похмелья и леденцы «Монпансье» в жестяных коробочках; в семи кабаках пьяные купцы, матросы с пароходов и буксиров, девицы легкого поведения, извозчики и приехавшие в город на ярмарку крестьяне без перерывов на обед пили водку с пивом из граненых стаканов, которые выпускала стекольная фабрика купца Гусева.

Кстати, о крестьянах. В елатомском краеведческом музее хранится вексель, датированный шестнадцатым годом, в котором написано, что крестьянин села Большое Ардабьево Елатомского уезда Спиридон Арсеньев Козлов занял у своей жены, Серафимы Дмитриевой Козловой в долг триста рублей денег без процентов, сроком до востребования, а буде его, то есть долг, по первому требованию не уплатит, то вольна она, Козлова, просить о взыскании и поступлении по закону<sup>11</sup>. Так и вижу, как Спиридон ночью, дождавшись, когда уснет жена, тихонько, стараясь не скрипеть половицами, ищет этот проклятый вексель, чтобы его проглотить не жуя. Серафима шарит ногой под лоскутным одеялом и, не находя мужа, отрывает от подушки тяжелую ото сна голову, чтобы посмотреть...

– Шпи, Фима, шпи, – шепчет ей муж. – Это я квашу попить вштал. Шашда мушает. Долшно от шеледки, – шамкает он набитым векселем ртом, гладит жену по голове и она засыпает чутким и тревожным, как у всех кредиторов, сном.

– Дурак ты, Спирька, – думает она засыпая. – Как есть дурак. Вторую копию жрешь и того, вахлак, понять не можешь, что оригинал... Не там ты шарить... Хотя бы до утра дотерпел, чтобы при свете...

Капитализм. Товарно-денежные отношения. Не то, чтобы бессмысленные, но уж точно беспощадные.

Октябрь семнадцатого года добрался до Елатьмы лишь в конце февраля восемнадцатого. Правду говоря, в городе его никто и не ждал. Большевистская ячейка была в уезде, в селе Сасово. Руководил ей некто Андрей Янин, приехавший из Петрограда. Уже в начале декабря семнадцатого в Сасово было получено известие о перевороте, произошедшем в столице. Немедленно вышедшие из подполья большевики провели съезд представителей крестьян, солдат и рабочих, создали ревком, объявили о прекращении в уезде власти Временного правительства и провозгласили власть Советов. В самой Елатьме все было тихо. Там вообще не было большевиков. Там и пролетариата было с гулькин нос. В город, спасаясь от революционно настроенных крестьян, приезжали землевладельцы и привозили из имений имущество, которое удалось спасти от разграбления. Помещик Девишев привез в Елатьму все запасы крахмала со складов своего крахмального завода и бесплатно раздал его горожанам. Видимо, было у него предчувствие, что новая власть, когда доберется до Елатьмы, отнимет у него и крахмал, и завод.

В первый раз устанавливать Советскую власть в Елатьме приехали большевики из Тамбова. Было их трое. Елатомские власти думали, думали, что делать с этой троицей и... решили их отпустить. Между тем, в окрестностях города шныряли вооруженные отряды солдат, дезертировавших с фронта. По ночам эти отряды грабили дома обывателей. Вернее, пытались грабить. Для борьбы с грабежами и пожарами в городе была организована боевая дружина, состоявшая в основном из офицеров и юнкеров, собравшихся со всего уезда. На городских колокольнях были установлены пулеметы. Дружину, состоявшую из восьмидесяти человек, возглавил двадцатилетний помещик елатомского уезда, штабс-капитан Аваев. Начальником штаба Аваев назначил корнета одного из драгунских полков Покровского. Был этот корнет всего на год старше своего

командира. Финансировала мероприятия по защите города от большевиков Мария Андреевна Попова. Некоторые даже утверждают, что именно она, а не городской голова Фруктов руководили обороной Елатьмы.

Во второй раз устанавливать Советскую власть в Елатьме отправился отряд кавалерии и пехоты из Сасово. Командовал им... Впрочем, все равно кто командовал, поскольку город красные не взяли. Часть отряда вместе с его незадачливым командиром белые заманили в Елатьму, разоружили и посадили в тюрьму, а оставшаяся часть просто разбежалась.

В третий раз устанавливать Советскую власть в Елатьме пришел отряд красногвардейцев, состоявший из двухсот кавалеристов и трехсот пехотинцев, усиленный тремя артиллерийскими орудиями. Командовал отрядом сам Андрей Янин. Из Петрограда ему прислали винтовки и патроны. Все это воинство выступило из Сасово и подступило к Елатьме аккуратно двадцать третьего февраля восемнадцатого года. Большевики с трех сторон окружили город и пошли на штурм. Правду говоря, отряд красных был мало похож на воинское подразделение – это были обычные крестьяне, большей частью мордовские, думавшие, что вернутся из похода, навьюченные мешками с награбленным добром, но когда с городских колоколен по цепям наступающих ударили пулеметы... Праздник, о котором потом так долго говорили большевики, пришлось отменить.

Через четыре дня к деморализованным красным прибыли из Москвы на подмогу сто солдат регулярной армии и пулеметная рота из Рязани с шестью пулеметами. Стало понятно, что восьми десяткам дружинников не удержать город. Мария Андреевна Попова, в доме которой был штаб сопротивления, успела покинуть Елатьму. Говорили, что она по подземному ходу<sup>12</sup>, ведущему от колокольни Ильинской церкви, вышла на берег Оки, а уж там ее и ее спутников ждали лошади, чтобы увезти в неизвестном направлении. Свободным неизвестное направление было только на Выксу. Сначала переправились беглецы через Оку, а уж потом... В музее мне сказали, что следы Поповой ведут в Нижегородскую губернию. Там она прожила до тридцатых, работая в каком-то детском доме, а уж в тридцатых кто-то ее властям выдал и... По сведениям из других источников, скончалась Мария Андреевна от сердечного приступа во время освобождения из тульской тюрьмы.

В ночь с третьего на четвертое марта, после продолжительного артобстрела, красные пошли на штурм Елатьмы, и к утру город был взят. Остатки дружинников под покровом ночи и разыгравшейся пурги покинули город, но на следующий день были настигнуты красными недалеко от города, в Рожновом бору. Там они большей частью и остались. Штабс-капитан Аваев и корнет Покровский сумели добраться до Москвы, но были схвачены в мае того же года ВЧК, проходили по делу «Союза защиты родины и свободы» и приговорены к расстрелу.

Почему-то всю эту трагическую историю захвата Елатьмы большевиками в советское время было велено называть «мятежом эсеров», хотя артобстрел города красными и последующий штурм на мятеж эсеров были похожи, как...<sup>13</sup>

Потом все было так, как обычно и бывает после революций – сначала аресты и расстрелы, потом банды дезертиров и уголовников, заседания ревкомов, укомов, волостных советов, продразверстка, аресты, расстрелы, продотряды, расстрелы, съезды, конференции, первые комсомольцы, вторые комсомольцы, превращение Елатьмы в двадцать шестом году из города в село, первая коммуна в двадцать девятом, распад коммуны, раскулачивание и колхоз в тридцатом. В тридцать первом организовали типографию и стали печатать газету «Красный маяк», в тридцать третьем организовали первую в губернии МТС с американскими тракторами в доме и усадьбе Поповой, в тридцать пятом стали проводить водопровод, а в тридцать шестом сюда приехал журналист Кольцов и написал: «В ней три тысячи жителей, из них более шестисот инвалидов, посланных сюда в дома собеса. Директора домов – не из блестящих: трех последних, одного за другим, посадили за решетку. Вечером в городе ни зги не видно.

Была библиотека, так ее почему-то в свое время целиком кто-то отвез в Москву. Приезжих встречают удивлением, с явной примесью тревоги: разве человек по хорошему делу заберется в нашу дыру? Деревня не уважает такой город. Колхозы Елатомского района смотрят свысока на свой районный центр. Им нечему здесь учиться. Пожалуй, даже наоборот. Колхоз завел в своей деревне Щербатовке чистоту, озеленение, устраивает парк культуры и отдыха, парашютную вышку, а в Елатьме ничего этого нет.» Обидно, что и говорить, хотя... Кольцов по ошибке называет Елатьму городом, хотя она и была в то время селом Московской области. И на том спасибо.

Тут надобно немного отступить и рассказать – откуда столько в Елатьме инвалидов. Все началось с богаделен еще в начале позапрошлого века. После того как кончилась война с Наполеоном, в военном госпитале остались инвалиды, часть из которых власти оставили жить в Елатьме – часть в госпитале, который превратился в инвалидный дом, а частью в городских богадельнях. Была в Елатьме, кроме мужских, и женская богадельня. Был приют для мальчиков имени купца Попова и приют для девочек при церкви Рождества Богородицы. Был приют в доме, подаренном городу купцом Сорокиным. В двадцать девятом году в Елатьме, за семь лет до приезда туда Кольцова, открыли Дом инвалидов для увечных воинов. В тридцать шестом увечных воинов было шестьсот, а потом их количество выросло до двух тысяч. Поначалу это были инвалиды военные, а потом просто инвалиды. Дом и сейчас работает, только называется Елатомским психоневрологическим интернатом. В тридцать четвертом по приказу Московского областного отдела социального обеспечения открыли детский дом-интернат<sup>14</sup>. Воспитанников набрали туда из дома инвалидов. Тех, кому было от восемнадцати до двадцати лет. Сначала в детский дом брали только девочек, но перед войной стали привозить и мальчиков. Во время войны стали привозить умственно отсталых детей, сирот, детей, которые выжили после ранений и контузий.

До Елатьмы фронт не дошел, но окопы рыли. Выращивали картошку и лук, сушили их и отправляли куда скажут. Уходили на фронт. Собирали теплые вещи, обувь и отправляли их на фронт. Уходили на фронт. Устроили шесть детских домов для приема эвакуированных детей. В сорок третьем по решению исполкома райсовета организовали пищекомбинат. Выпускали на нем, кроме сушеных картошки и лука, пряники. Сушеную картошку и лук велено было отправлять на север, а пряники разрешили продавать местным жителям. Ушли на фронт... и не вернулись двести пятьдесят елатомцев.

Послевоенная история Елатьмы мало чем отличается от десятков и даже сотен историй таких же провинциальных городков. Восстанавливать разрушенное не пришлось, поскольку разрушенного, кроме церквей, не было. В сорок седьмом заложили фруктовый сад. В пятьдесят восьмом Елатьма пошла на повышение – из села превратилась в поселок городского типа. Правда, райцентром так и не стала. Через пять лет приписали ее к Касимовскому району. В конце семидесятых заасфальтировали главную площадь поселка – площадь Ленина. Сначала, понятное дело, поставили памятник вождю мирового пролетариата, а потом заасфальтировали пространство вокруг него. Тогда было принято асфальтировать пространство вокруг памятников Ленину. На площадь кататься на велосипедах специально приезжали елатомские мальчишки. К развлечению мальчишек служил и аэродром, который в те далекие времена повсеместного развития малой авиации был даже в маленькой Елатьме. «Кукурузники» летали в Касимов и Рязань каждый день. Долететь до Рязани можно было за час, и билет стоил пять рублей. Ну, это в будни, а по праздникам на этом же самолете катали детей. Наберут их полный самолет и кружат над поселком. Еще можно было изо всех сил стоять позади самолета во время взлета и не падать. Теперь аэродрома нет. До Рязани надо ехать на автобусе около пяти часов. Есть в Елатьме маслосырзавод. Вернее, был. Вернее, есть, но то ли при смерти, то ли уже умер совсем. Старожилы говорят, что он выпускал такого качества сыр, что в советские времена не только в близлежащем Касимове, но и в далеко отстоящей Рязани за ним выстраивались километровые очереди. Скорее всего, его в ограниченных количествах

поставляли и в Москву, к столу членов Политбюро, но все это информация закрытая и ее, понятное дело, еще не время открывать. Или это был не сыр, а масло...

В восьмидесятых открылся в поселке приборный завод. Сначала делали на нем что-то военно-радиотехническое, детские игрушки и фены. Понятно, почему детские игрушки и фены. Какие-то отходы у военного производства имелись, и из Москвы приказали из них делать игрушки и фены. Плановое производство – это когда некогда объяснять, почему игрушки и фены, а не шахматы и чайники. Просто выпускаешь, что велено. В девяностые годы завод... не влез в долги, не разорился, не пошел по миру, не растерял квалифицированные кадры, а стал выпускать медицинскую технику и до сих пор ее выпускает, да еще и такую, которую можно поставлять в Европу, США, Канаду и даже в Израиль, в который продать что-нибудь медицинское еще сложнее, чем продать краснодарский чай в Китай. Делает «Еламед» самую различную аппаратуру для физиотерапии, стоматологические инструменты и аппаратуру для ветеринарии. Работает на заводе тысяча сто елатомцев. Это чуть больше трети населения Елатьмы. Поскольку Елатьма поселок, а не город, то «Еламед» можно считать поселкообразующим предприятием.

Инвалидные дома, детские дома-интернаты, психоневрологический интернат градообразующими предприятиями язык не повернется назвать, но... Так уж получилось, что в Елатьме человек с ограниченными возможностями может прожить всю свою жизнь – от того момента, когда его привезли в детский дом потому, что от него отказались родители или родители лишены родительских прав, и от них нужно забирать не только детей-инвалидов, но даже и кошек с собаками, до самой смерти. Сначала ребенок будет жить и воспитываться в детском доме, а потом, когда ему исполнится восемнадцать, его переведут или в инвалидный дом в поселке или в один из двух инвалидных домов, расположенных в окрестных деревнях, и уж там ему жить... Конечно, детей пытаются адаптировать – приводят их в обычные школы или на елки в доме культуры. Они поют в хоре. Теперь это называется социальной адаптацией детей в городском пространстве. Другими словами – доступная среда. В местном краеведческом музее даже получили два гранта, сделав так, что с экспозицией теперь могут ознакомиться даже те, кто почти ничего и не видит. У этой медали, однако, есть и обратная сторона. Представьте себе детский хор, в котором поет не один ребенок с ограниченными возможностями, а... весь хор из таких детей и состоит. Представьте себе елку в доме культуры, или масленичные гуляния, или концерт художественной самодеятельности, когда на сцене и в зале... Это легко сказать – представьте, а представить, и тем более взять обычного ребенка и привести туда, где большинство детей... Вот елатомцы и не ходят. В большом городе этих проблем, наверное, и не возникло бы, но Елатьма город небольшой, а маленький, да и не город вовсе. Надо бы, конечно, искать какую-то золотую середину, но за поиски середины, хотя бы и золотой, грантов не дадут, а вот за социальную адаптацию, хотя бы и с таким результатом, могут.

Не будем о грустном. Будем о красивом. Бродил я с экскурсоводом краеведческого музея Светланой Григорянц по огромному заброшенному двору и заброшенному саду заброшенной елатомской мужской гимназии... Нет, так тоже нехорошо. Лучше так: в городском саду есть смотровая площадка. С нее открывается живописный вид на противоположный низкий берег Оки. На том берегу, чуть левее Елатьмы к берегу выходит из прибрежных зарослей грунтовка. Дебаркадера там нет никакого, а есть только мостки, по которым машины и трактора заезжают на паром. Когда я стоял на площадке и смотрел на тот берег, заезжал всего один трактор и одна легковая машина. Наверное потому, что была середина октября и в этих местах те, кто не улетел на юг, собирали на болотах клюкву, чтобы продать ее проезжающим, перекапывали под зиму грядки в огороде и убирали позднюю капусту. Туристов в эту пору нет. Разъезжать на машинах некому. Паром шел медленно. Издалека было не слышно, как тарахтел его двигатель. Только еле заметный сизый дымок вился над трубой. Я подумал: если закрыть глаза, то можно

услышать... Нет, и так тоже никуда не годится. Только дай себе волю и закрой глаза, как тотчас же увидишь причаливающий к городской, а не к поселковой пристани пассажирский теплоход «Дети Попова», услышишь, как играет духовой оркестр, представишь, как пассажиры первого класса закусывают в ресторане на верхней палубе икрой и севрюжиной с хреном, как звонят колокола на городских церквях, как упоительны в России вечера, балы, красавицы, лакеи, юнкера... тьфу. Если закрыть глаза на холодном осеннем ветру и представлять ерунду, то можно не только простудиться, но и опоздать на автобус, который уходит в Рязань. Он теперь ходит всего раз в неделю по воскресеньям. Проще и удобнее, конечно, в Касимов поехать. Туда автобусы идут каждый час, а уже оттуда прямым рейсом в Москву. Так елатомские мужики и делают, когда едут на заработки. Они всегда были хорошими плотниками. Вот и строят теперь дачи в Подмосковье. До Москвы из Касимова ехать долго. Едешь себе в теплом автобусе, закроешь глаза и представляешь высокий берег Оки, цветущие сады, белые колокольни церквей, шумную ярмарку, городскую пристань, на которой играет духовой оркестр, белый пароход, севрюжину с хреном... Ну, вот, опять. Пора доставать из рюкзака плавленый финский сырок и черствую плюшку, купленные в Елатье.

-----  
<sup>1</sup> В елатомском краеведческом музее стоит чучело волка. Не доисторического, конечно, а вполне современного. История этого волка удивительна. Маленьким раненым волчонком нашел его в лесу местный лесник, принес домой, вылечил и одомашнил. Жил у него волк всю свою сознательную жизнь. Жил как собака. В хорошем смысле этого слова. После того как волк умер, лесник заказал сделать из него чучело, которое попало в музей. Детишки, приходящие в музей, любят с волком фотографироваться, а сотрудникам музея он предсказывает погоду. Перед дождем чучело начинает сильнее пахнуть волком. Бог знает отчего, но это так.

<sup>2</sup> Григорий Гаврилович был назначен «товарищем» князю Львову, возглавлявшему посольство в Польшу\*. Пушкин оказался с гонором и не захотел ехать, потому как быть в «товарищах» у захудалого Львова ему было унижительно. Львов в долгу не стался и, в свою очередь, накатал жалобу на Пушкина, в которой писал, что тот его «бесчестит». Царь, недолго думая, приказал Пушкина посадить в тюрьму, и там Григорий Гаврилович быстро понял, что Львов не такой уж и захудалый и что посольский паек лучше тюремного. У незахудалого Пушкина как раз с деньгами было все так плохо... Короче говоря, он принял назначение. Из казны ему выдали 680 рублей командировочных, но Пушкину этого показалось мало, и он бил челом в Посольский приказ, слезно жалуясь на свою «худость» и прося добавить хоть сколько-нибудь. Надо сказать, что приказные в Посольском и не таким отказывали. Выдали ему сорок рублей и велели за эти же деньги «тайно проведывать» об отношениях Польши с соседями. С тем он и поехал...

-----  
\*В инструкциях Львову было сказано: «А за столом у короля, буде позовет, сидеть вам вежливо, чинно и остерегательно... и зело не упираться и слов дурных меж собою не говорите и в брань не входите... а бражников и пьяниц, кои ведомы, на королевский двор и вовсе не имати». Или так... «Там у них пока что лучше бытово, так чтоб я не отчубучил не того – он мне дал прочесть брошюру как наказ, чтоб не вздумал жить там сдуру, как у нас». Или так... «Будут с водкою дебаты – отвечай: «Нет, ребята-демократы, – только чай!»

-----  
<sup>3</sup> Именно елатомцы, а не елатьминцы, как следовало бы назвать жителей Елатьмы по правилам русского языка. Связано это с тем, что до петровских времен Елатьма называлась Елатом. Интересно, что жители Елатьмы и до сих пор елатомцы и все у них елатомское, включая и Елатомский приборный завод и Елатомский психоневрологический интернат.

<sup>4</sup> От городского собора осталось только футбольное поле в городском парке. Правда, ухоженное.

<sup>5</sup> От тех времен, когда Предтеченская ярмарка только начиналась, уцелела двухпудовая гиря, которая теперь стоит на видном месте в краеведческом музее. Сотрудник музея уверил меня в том, что она приносит финансовое благополучие тем, кто ее погладит. Я погладил и даже приподнял за кольцо. Представил себе огромного детину, который при помощи таких гирь взвешивал мешки с мукой, картошкой или овсом. Представил, как он гладил эту гирю перед тем, как поставить на весы, как с размаху ставил, как долго колебалась стрелка... Определенно, что-то есть в этой сказке про финансовое благополучие. Вернее, было.

<sup>6</sup> Тамбовский летописец Иван Иванович Дубасов, о котором я уже упоминал, рассказав в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века в очерках по истории края обо всех этих чиновниках и помещиках в главе, которая называется «Нравственно-бытовые черты Тамбовского края», прибавляет: «Подобных... героев крепостного права мы могли бы указать целые десятки. Но мы не делаем этого, так как цель нашего очерка заключается не в увековечении отживших печальной памяти типов, а в простом указании на былые несовершенства местной внутренней жизни. Все эти мрачные стороны нашего быта уже прикрыты светлым ореолом 19-го февраля; и как воинские знамена в прошлом столетии восстанавливали поруганную честь, так и великая крестьянская реформа незабвенного царя-освободителя примиряет нас с прошлым...». Думать о том, что реформа «примиряет нас с прошлым», оставалось тридцать с небольшим лет.

<sup>7</sup> Конец девятнадцатого и начало двадцатого веков были временами расцвета окских пароходств. Елатомский пароходчик Самгин состоял одним из учредителей касимовского пароходного товарищества «Наследников А.В. Качкова», которое владело всеми пристанями на Окской линии движения до самого Нижнего. Пароходы были отечественной постройки. С рестораном и музыкой. На больших пристанях их встречали и провожали с оркестрами. Ресторанное меню рассылали клиентам заранее, в апреле, чтобы известить их, чем будут кормить в первую половину навигации и во вторую. К примеру, ботвиньей с осетриной кормили только до первого июня. Рябчики и тетерева появлялись в меню во вторую половину навигации, а стерляжью уху, поросенка под сметаной, котлеты де-воляй, севрюгу и паюсную икру можно было спрашивать с весны и до поздней осени.

<sup>8</sup> Увы, дом сильно обветшал. Денег на его ремонт у елатомских властей, понятное дело, нет, а хотя бы и были... К счастью, нашлась одна состоятельная москвичка, купившая «Фрегат» (так называют этот дом елатомцы), чтобы его восстановить.

<sup>9</sup> Версия о том, что Попова была прототипом главной героини горьковской пьесы, не подтверждена никакими документами. Серьезным краеведам и историкам литературы давно известно, что прототипом Вассы Железновой была нижегородская купчиха Мария Капитоновна Кашина, владевшая целой речной флотилией, что... Впрочем, пусть себе считают. На то они и серьезные краеведы, которые без документов шагу ступить не могут. Вот если бы нашли письмо Горького, в котором было бы написано... Или в мемуарах жены Горького, или его секретаря, на худой конец, его кошки... И без всякого письма или мемуаров можно верить в то, что Мария Андреевна Попова была прототипом Вассы Железновой и до хрипоты спорить с неверующими. Только представьте себе – маленький и, мягко говоря, небогатый поселок городского типа в Рязанской губернии, в котором не так-то просто найти работу, в котором среднемесячной зарплаты на найденной с трудом работе хватит на то, чтобы пару-тройку раз пообедать в московском ресторане, в котором живут люди, не первый год спорящие о том, кто был прототипом главной героини пьесы, которую сейчас... \* И ведь пьеса то не бог весть какая, если честно. Ладно бы прототип Офелии или Раневской, а то...

Уж если зашла речь о прототипах, то нельзя не упомянуть уроженца Елатьмы епископа Таврического и Симферопольского Михаила, в миру Михаила Михайловича

Грибановского, действительно бывшего одним из прототипов чеховского рассказа «Архиерей». Тут уж не домыслы, а письмо Ивана Бунина к Борису Зайцеву, в котором он пишет: «В “Архиерее” он слил черты одного таврического архиерея со своими собственными, а для матери взял Евгению Яковлевну». Ялтинский знакомый Чехова, священник С.Н. Шукин, писал в своих мемуарах, что на Антона Павловича произвела большое впечатление фотография епископа Михаила, которую он случайно увидел в витрине фотоателье и купил. На фотографии епископ, смертельно больной туберкулезом, которому жить оставалось всего ничего, сфотографирован рядом со своей матерью...

-----  
\*Во многих провинциальных музеях вам непременно расскажут о таких прототипах. Почему-то это всегда очень важно – жил ли в их городке известный писатель или хотя бы был проездом. У какой бабы спросил холодного квасу, в каком трактире обедал и что сказал половому. Может, писатель и не проезжал вовсе, а проезжала его жена или свояченица или просто пробежала писательская собака, отставшая от дилижанса. И про это не преминут рассказать и показать чудом сохранившуюся фотографию собаки. Расскажут и о судьбе ее щенков. Тем, что здесь была, к примеру, первая в России фабрика, которая производила швейные иголки или лучшие в мире примусы, гордиться вряд ли будут. В Елатье вам поведают о своем земляке Николае Павловиче Раевском – первом гомеопате Одессы. Раевский родился в Елатье и прожил в ней, в общей сложности, совсем немного лет. Знаменит он вовсе не своей гомеопатией, а тем, что несколько недель или даже целый месяц был знаком с Лермонтовым, когда тот жил в Пятигорске. Раевский в своих мемуарах подробно описал Пятигорск того времени, дуэль поэта с Мартыновым, хотя сам на ней и не присутствовал, и церемонию похорон Лермонтова. Не свояченица, конечно, но и не жена. Тем не менее, в списках знаменитых елатомцев Раевский занимает почетное место... Иной раз даже думаешь, что это только в России так любят все то, что связано с литературой, что у прочих там шведов и тем более американцев таких мыслей отродясь... Глупые, правду говоря, мысли. Такие надо от себя прогонять, но... иногда их думаешь. Против своей воли, конечно, думаешь.

<sup>10</sup> Девишевы и вообще любили утеснять крестьян. Папаша Девишева, купив Ардабьево уже после реформы 1861 года, сильно им насолил, выпасая свой скот на мужицком выгоне и самовольно захватывая смежные с его помещьем куски общинной земли. В ответ крестьяне избили Девишева так, что его хватил паралич. До самой смерти барина возили в инвалидной коляске и говорить не мог, а только мычал. Сына, видимо, это ничему не научило.

<sup>11</sup> Скорее всего, Спиридон искал заначку жены, но их сестра, в отличие от нашего брата, умеет прятать деньги в таких местах... Отчаявшись ее найти, он и выдал своей Серафиме вексель.

<sup>12</sup> Теперь этот подземный ход, понятное дело, закрыт, завален землей навсегда, и в нем, если верить рассказам аборигенов, хранится библиотека Ивана Грозного.

<sup>13</sup> В нынешней Елатье есть улица Янина. В музее есть его фотографии. Янин потом пошел на повышение в Москву, но Елатьму, как мне рассказывали, не забывал. Не любил он ее, потому как была у Андрея Никитовича хорошая память, и все свои военные успехи под стенами Елатьмы он помнил хорошо. Говорили мне в Елатье, что именно Янин приложил усилия к тому, чтобы Елатьма не стала райцентром, а так и осталась поселком городского типа. Зато его родное Сасово, которое не одну сотню лет входило в состав елатомского уезда, стало в двадцать пятом году и городом и райцентром. Впрочем, это мне так говорили, а уж как оно было на самом деле...

<sup>14</sup> Теперь это Елатомский детский дом-интернат для умственно отсталых детей.